

УДК 316

Социально-политическая природа преобразований в СССР 1985-1991 гг.: проблема идентификации

Мулюков Ш.М.

Кандидат философских наук, доцент,
директор Нижнекамского филиала
Московского гуманитарно-экономического института

В статье исследуются политические процессы эпохи перестройки на предмет идентификации соответствующих преобразований как революционных или контрреволюционных. Проводится сравнительный анализ различных позиций по данной проблеме, обосновывается тезис об упущенных возможностях реформирования общества.

Ключевые слова: государственность, политика, идеология, революция.

Прошло более двадцати лет с момента распада СССР и последующей ликвидации остатков советской власти в 1993 году.

Сегодня по этому историческому факту существует множество точек зрения. Из всего многообразия этих позиций можно сделать достаточно примечательный вывод – развал советской государственности был предопределен косностью традиционного политического режима, уходящего корнями в эпоху сталинского тоталитаризма и царского самодержавия. Не смогла окончательно избавиться от этого «наследия» и перестройка М. Горбачева. Одной критики прежних времен оказалось недостаточно – необходимо было доказывать преимущества перестроечных инициатив не лозунговщиной и пустыми обещаниями, а реальными, продуманными, экономически и политически выверенными практическими шагами. Да и возможно ли это было сделать в рамках консервативного управления страной, как это было сделано, например, в Китайской Народной Республике в период экономических реформ Дэн Сяо Пина? Сейчас об этом можно судить только теоретически – прежнего Союза не вернешь, да и монополия КПСС канула в Лету.

Вопросов, связанных с историческими катаклизмами XX века, сегодня существует много, а что касается собственно России – еще больше.

Потребуется немало времени, прежде чем наступит «момент истины» и будут найдены вразумительные ответы на вопросы: почему именно XX век

был насыщен трагическими событиями мирового значения? Такими как войны, революции, смены политических режимов и т.д. И почему именно Россия оказалась в эпицентре этих событий?

XX век принес России (СССР) крайне тяжелые испытания, которых не знала ни одна мировая держава. В течение века самая большая страна так и оставалась на перепутье собственной эволюции. Кратковременные периоды внутренней стабилизации постоянно прерывались очередным общественным «расколом». Каких-либо традиций, способствующих стабильности, на протяжении всего XX века не сложилось. В 1917 г. пала самодержавная власть, уже имевшая определенный, веками упорядоченный стиль управления. Что же касается советского режима, то здесь говорить о сложившейся системе стабильности и адекватности отношений власти и общества можно с большой натяжкой. Всеобъемлющая монополия государства на протяжении более семидесяти лет эволюционировала от тоталитаризма к авторитаризму, оставляя по-прежнему наихудшее проявление царизма – реальное отсутствие демократических прав и свобод личности. Мобилизаторские тенденции политического управления, в какой-то мере оправданные на крутых изломах советской истории (гражданская война, подъем экономики в 30-е годы, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление народного хозяйства и т.д.), давали о себе знать вплоть до конца 80-х годов XX века. В условиях административно-командной политичес-

кой системы и не могло быть иначе. Политическое руководство страной даже в условиях системного кризиса конца 80-х годов продолжало активно внедрять в общественное сознание явно устаревающие идеологические принципы «преимуществ и возможностей социалистических строя», несмотря на то, что реальная жизнь выявляла очевидную неготовность государственно-партийных структур власти и ее лидеров к практическому решению тех проблем, которые она (власть) сама постоянно порождала. В этом заключался парадокс всех перестроечных инициатив руководства СССР после 1985 г.

С приходом к руководству КПСС М. Горбачева в обществе появилась надежда на действительное обновление (перестройку) закостеневших социально-политических отношений внутри страны. Тогда еще основная часть советского народа продолжала верить в возможность каких-либо позитивных изменений в условиях социализма и Советского государства, да и Генеральный секретарь ЦК КПСС не мог себе позволить циничного отношения к собственной стране и к основным идеологическим и мировоззренческим принципам, формировавшимся в общественном сознании на протяжении более семидесяти лет*.

Сегодня результаты перестройки М. Горбачева в СМИ и научных исследованиях трактуются по-разному, исходя не только из конкретно-исторического анализа событий 1985-1991 гг., но и из собственных идеологических позиций.

Вот что пишет Н. Верт, один из представителей западноевропейской исторической науки: «Менее семи лет прошло от избрания М. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС до сложения им с себя обязанностей президента СССР в связи с формально-правовым прекращением существования этого государства, произошедшим вопреки его воле. За короткий промежуток времени грандиозные идеологические, политические, экономические, социальные перемены потрясли самую большую страну мира, не только сверху до низу перетряхнув всю совокупность утвердившихся после октября 1971 г. государственных и экономических структур, но и коренным образом изменив европейский и даже всемирный порядок, поддерживавшийся с конца второй мировой войны и изуродованный неприемлемым антагонизмом капиталистического Запада и социалистического Востока» [1, с. 490].

Автор называет перестройку М. Горбачева не иначе как «революция». Такая оценка западных теоретиков появилась не случайно, поскольку события

конца 80-х – начала 90-х годов XX века во многом соответствовали идеологическим концептам капиталистического мира о необходимости уничтожения СССР как «империи зла». Военных или других силовых действий для подобного уничтожения не потребовалась – «революция» М. Горбачева предрешила крах самого большого государства, создав таким образом условия для формирования всемирного однополярного порядка; что же касается России, то она до сих пор не может определить свое место в сложившейся системе международных отношений.

Новый российский либерализм начала 90-х годов вывел дилемму, основной тезис которой сводился к следующему – тоталитарное советское государство исторически себя изжило, и никакие благие намерения власти придать ему «человеческое лицо» не могли отодвинуть надолго сам факт его крушения. При этом собственную вину за это крушение отечественные либерал-радикалы признавать не желали, скорее, наоборот, всякая антигосударственная деструктивность конца 80-х годов преподносилась ими как акт борьбы за торжество демократии. Но почему-то имя Горбачева после развала СССР в ряду с другими «революционерами» уже не упоминалось**.

Надо заметить, что более взвешенными взгляды российских либеральных демократов становятся в середине 90-х годов, когда многие из них ушли из власти, так и не решив тех задач, которые они ставили в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Признавая себя антиэтатистами до прихода к власти, Е. Гайдар, А. Чубайс и другие на практике оказались бессильными преодолеть в полной мере инерцию традиционной российской государственности, реальную борьбу с которой начал М. Горбачев, и как показала история, сам же стал заложником (в прямом и переносном смысле) собственной внутренней политики.

Один из современных идеологов «демократизации» бывших советских республик по западному образцу Дж. Сорос накануне развала СССР достаточно пристально следил за теми политическими событиями, которые олицетворял М. Горбачев. В частности, он обращает внимание на личность последнего лидера СССР и его мировоззрение. «Точно так же, как человек создал бога по своему образу и подобию, я сделаю то же самое с Горбачевым. Я думаю, что мировоззрение Горбачева не очень отли-

** Не мог, с точки зрения либеральных СМИ, Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент СССР признаваться лидером антикоммунистической и антисоветской «революции». И как бы ни стремился М. Горбачев обозначить сегодня свою непреходящую роль в уничтожении коммунизма – лавры победителя над Советской властью достались другим бывшим партийным функционерам из числа членов Политбюро ЦК КПСС и партчиновникам рангами помельче.

* Этот цинизм проявился у М. Горбачева уже после, как он перестал быть руководителем СССР и утратил свою «привлекательность» для Запада. На одном из семинаров американского университета в Турции он признался в том, что целью его жизни было уничтожение коммунизма.

чается от моего (!!!). В частности, Горбачев считает деление общества на открытое и закрытое коренным вопросом... Это главный пункт, в котором мы с ним сходимся» [2, с. 134]. Далее Сорос отмечает заслуги Президента СССР в деле уничтожения собственной страны: «Кто бы мог предположить, что он так далеко продвинется по пути уничтожения старого режима!» [2, с. 134].

Дж. Сорос, будучи достаточно «поднаторевшим» в политических вопросах относительно крушения коммунистических режимов в Восточной Европе, прекрасно понимал очевидный исход всех перестроечных инициатив М. Горбачева, а именно – демонтаж старой (сталинской) политической системы неизбежно приведет к развалу СССР как единой страны и появится реальная возможность движения бывших союзных республик к «открытому» обществу в соответствии с идеологическими и политическими интересами всего остального капиталистического мира. Что, собственно, и произошло в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века.

К сожалению, реальные последствия перестройки М. Горбачева не были просчитаны ни самими ее «прорабами», ни даже теми, кто восторженно приветствовал в России «победную» поступь прозападной демократии. Той самой демократии, которая сегодня постоянно демонстрирует двойные стандарты при оценке тех или иных политических действий России, особенно это стало заметно после августовских событий 2008 г. в Южной Осетии.

Можно ли осуждать сегодня точки зрения западных теоретиков и идеологов за позитивные оценки перестройки? Конечно же, нет. В отличие от советского партийного и государственного руководства периода перестройки они были прекрасно подготовлены и идеологически, и политически.

Тот же Дж. Сорос отмечает несколько факторов, предопределивших крушение СССР. «Один фактор – полное отсутствие элементарных экономических знаний – болезнь, которой страдает вся страна, вплоть до самых верхних эшелонов власти... С отсутствием понимания тесно связано отсутствие внимания к экономическим вопросам... Серьезный просчет Горбачева в том, что он не смог осознать, что политические перемены – это только необходимое, но недостаточное условие для экономических перемен» [2, с. 140].

Советский Союз как единое государство в 1991 г. еще существовал, но внутренние политические противоречия и неадекватность политических решений и действий партийно-государственного руководства лишь ускорили движение страны к роковой черте, за пределами которой предельно призрачно проглядывались перспективы ее дальнейшей эволюции.

В отличие от точки зрения на перестройку 1985-1991 гг., которую высказывали и высказывают представители российских либерально-демократи-

ческих кругов России и западных СМИ и которая хорошо известна как своеобразная апологетика разрушения СССР именно по их сценарию, существует ряд позиций, где революционность бывшего лидера СССР начисто отрицается и преподносится как «контрреволюция». В связи с этим представляет определенный интерес точка зрения бывшего советского диссидента А. Зиновьева, который считает, что в период перестройки и последующим расстрелом Белого дома в октябре 1993 г. произошла совокупность событий, которые он называет не иначе как «советская контрреволюция».

По мнению А. Зиновьева, советская контрреволюция началась с момента разрушения советской власти, точнее говоря, с той поры, когда началось разрушение аппарата КПСС. И этот разрушительный период берет свое начало с избрания М. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС. Высшее партийное руководство, поддерживавшее разрушительные инициативы Горбачева, А. Зиновьев именуется не иначе как «идеологические холуи».

Подобные резкие высказывания в адрес бывшего президента СССР и Генерального секретаря единственной тогда политической партии сегодня встречаются довольно часто. И не только на уровне оппозиционной публицистики – отрицательный акцент в адрес «перестройки» и ее зачинателей имеет место в современной российской научной литературе.

Например, Ш. Мунчаев и В. Устинов отмечают, что «...перестройка выявила неготовность государственных структур власти, ее лидеров к эффективному решению основных проблем, поставленных жизнью. Анализируя события, связанные с перестройкой и ее последствиями, следует заметить, что распад СССР не был фатальной неизбежностью. Он обусловлен в большей мере субъективными, нежели объективными факторами. ...За сохранение Союза высказались 112 млн. человек, т.е. 78 % голосовавших» [3, с. 687].

Авторы имеют в виду Союзный референдум по поводу сохранения СССР, который состоялся 17 марта 1991 г. Этот факт современная публицистика почему-то замалчивает. Прежнего Союза уже не вернешь, но та риторика, которая сегодня часто высказывается лидерами отдельных государств (бывших союзных республик) о советской оккупации национальных окраин СССР, вызывает большое сомнение. Но существует и другая точка зрения, которую в свое время озвучил президент Казахстана Н. Назарбаев по поводу развала страны, и которая подтверждает это сомнение: «Без России не было бы Беловежского документа, без России не распался бы Союз». Под Россией понимается, прежде всего, деструктивная позиция Б. Ельцина, грубо «оттолкнувшего» от рычагов власти М. Горбачева, потерявшего всякую поддержку со стороны общества.

Ш. Мунчаев и В. Устинов акцентируют свое внимание на политических страстях, бурно кипевших в период перестройки – это экономические реформы, их темпы и цена, которую должно было заплатить за них общество. Авторы отмечают два подхода к этой проблеме. Один – признание необходимости постепенного, поэтапного перехода к рынку, другой – переход к рынку в считанные недели, скачкообразным путем.

Как происходил переход к рынку в период перестройки и после нее – проблема, которая сегодня не вызывает особого интереса и привлекательности для современных СМИ и конъюнктурных исследователей. Как было, так и было. Для большинства же людей, переживших так называемый переходный период, стали очевидны такие факты как развал экономики, общий хаос, денежный обвал и т.д. И это далеко неполный перечень всего того, что имело место в конце 80-х – 90-х годах XX века, и что до сегодняшнего дня мешает формированию экономической стабильности в обществе.

Литература:

1. Верг Н. История Советского государства. 1900-1917. – М., 2002. – 478 с.
2. Сорос Д. Советская система: к открытому обществу. – М.: Политиздат, 1991. – 222 с.
3. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Политическая история России. – М.: Проспект, 1999. – 592 с.

Socio Political Nature of Reforms in the USSR in 1985-1991: The Problem of Identification

Sh. Mulyukov

Nizhnekamsk Branch The Moscow Gumanitarno-Economic Institute

The article refers to the political processes during the period of perestroika aiming to define them as revolutionary and counter-revolutionary. The author carries the comparative analysis of various points of view and justifies the thesis of lost opportunities in the sphere of social reforms.

Key words: statehood, politics, ideology, revolution

